

дельштама в запланированную ночь ареста. Бродский отказался бы от этого именно из-за своей трусости. Добавлю к вышесказанному, что Бродский принадлежал к тому типу людей, которые никак не в силах покинуть дом хозяев, а спешить некуда было, к тому времени однокомнатная квартира Бродского помещалась в том же подъезде дома в Нащокинском, что и квартира Мандельштамов. К тому же Бродскому несомненно хотелось блеснуть эрудицией перед Мандельштамом и Ахматовой, которая в ту ужасную ночь была в доме своих друзей. Я думаю, почти уверен, что, когда пришли "они", Бродский испугался больше, чем Мандельштам, отсюда его сопение и храпение. Обвинить советского человека в стукачестве очень легко, иди проверь, ручаться нельзя ни за кого — или почти ни за кого. Такого рода обвинения надо делать крайне осторожно, а Надежда Яковлевна такую осторожность не проявила".

Допустим, это слова друга, а друзья всегда не склонны верить в худшее.

Но вот слова человека совершенно нейтрального, Ефима Григорьевича Эткина: "Узнал, что Надежда Яковлевна Мандельштам то ли написала, то ли говорила (но совершенно определенно), будто известный переводчик Давид Бродский — стукач. Имя и судьба Надежды Яковлевны таковы, что не считаться с ней нельзя. А в это время как раз выходили два тома "Мастера русского стихотворного перевода", куда я включил перевод Д. Бродского ("Пьяный корабль" А. Рембо). Решил поехать в Москву, все узнать из первых рук. Приехал. Спрашиваю: "Откуда вы взяли?" — "А я в этом не уверена. Кажется, кто-то сказал, но я ничего не знаю". Я, разумеется, оставил перевод Д. Бродского".

Незвирая на это, описание "стукача" Бродского до сих пор входит в воспоминания Н. Мандельштам. В общем, то ли он украл, то ли у него украли...

Умер Давид Бродский в 1966 году. В архиве РГАЛИ хранятся сотни, если не тысячи его рукописей с переводами. И на большей части пометки "не пойдет".

У поэта и, по суровой необходимости, переводчика Георгия Шенгели есть баллада-пародия, в которой описана жизнь переводчиков в тридцатые годы. И что характерно, большинство упоминаемых — одесситы. А главный герой — и вовсе Давид Бродский. Баллада впервые опубликована Е. Витковским на сайте "век перевода", а в альманахе она публикуется впервые. Забавно, что и речь в ней идет об альманахе.

Георгий ШЕНГЕЛИ

Замок Альманах

На рассвете поднявшись, пиджак натянул
Переводчик Бродский Давид
И уныло зевнул, и уселся на стул,
Хоть исподний убор позабыт.

Позабыт сей убор: за спиной договор, —
Перевод двести тысяч строк.
Но лежит в стороне переводный топор,
Хоть давно уж просрочен срок.
И могучий Давид перманентно сидит,
До полудня сидит он с утра,
Но лишь полдень пробьет, — в руки брюки берет,
Надевает и прочь со двора.
Он не с Маркишем грозным бороться спешит,
Не Гофштейна повергнуть во прах, —
Пред могучим, в мечте, возникает, парит,
Новый замок манит — Альманах.
В этом замке жила, в этом замке была
Молодая его госпожа,
Точно строчка стройна, точно ставка скромна,
Как Парнах (извините!) рыжа.
Там в ущельях скалистых король Накоряк
Тайных кладов зарыл без числа,
И туда собираются тучи бродяг
Безо всякого ремесла.
В этих мирных ущельях не нужно в борьбе
Мозговой напрягать полушар:
Только жилу нащупать, и сразу тебе,
Словно ключ, забурлит гонорар.
Но с тех пор, как в скалах поднялся Альманах
С молодой госпожою внутри,
Этот мирный народ только в замок и прет,
В два часа заходя раза три.
Ведь и там гонорар, но с прибавкою чар,
С премиальными смеха и глаз.
(Я и сам там бывал, трех редакций вассал,
Но об этом молчи, мой рассказ!)
Да, сходилась туда трубадуров орда, —
Бугаевский был, костная боль,
Сема Липкин, упырь, Талов Марк, нетопырь,
Марк Тарловский, ушная мозоль.
И порой госпожа, мелодично взвизжа,
Выставляла героев за дверь

И садилась, без слов, за семь смертных грехов,
Где царапалась рифма, как зверь.
Имя Дины ей Феи внесли в колыбель
(В паспорт нечего лезть, грубиян!)
Эта Дина, как Лыдина, хладела досель,
Хоть пожаром был всяк обуян.
Все ж за дверь у моста немало толклось
Трубадуров и всякой шпаны,
Тут Давид проницал их скопление насквозь,
Как игла пронизает штаны.
Тут могучий Давид, родовит, плодовит, —
Хоть и мало стихов наплодил, —
В грубошерстных штанах, как монах, в Альманах
Стопудовой стопой проходил.
Вдохновенно сутул, он сел на стул,
Говорил он, что ямб — это вещь,
И при этом краснел, и пыхтел, и потел,
Словно отрок, заброшенный в пещь.
Говорил: я силен, говорил: я умен,
Говорил: я умею спрягать;
Говорил: я один на земле семьянин,
Ой, какая ж вы будете мать!
Но положено людям в их скорбной судьбе,
Их обвившей, как мощный боа, —
Что проблеять любому приходится "б",
Кто осмелится вымолвить "а".
Да, положено людям в их скорбной судьбе,
Окружающей их, как боа, —
Что уж если кто вынужден молвить "бебе",
Тот обязан прибавить "а-а".
Перспективой такой усладив свой кумир,
Проспрягав, просклоняв, приманув,
Уходил он сияя, а вслед, как зефир,
Раздавалось хрустальное "уф!"
Трубадуры бряцали на грозном мосту,
Трубадуры гремели во мгле, —
А уж в замок стучал на маху, на лету
Граф Пирал, проскользнув по скале.

Он не очень Поддубный, чтоб Лурих — так нет,
Перед ним и Давид — Голиаф,
Но он взял в лотерею счастливый билет,
Ни единожды не проспая.
Этот хитрый Пирал не зевал — напирал,
Переводы слагая на стол,
И сокровище замка спокойно забрал
И на имя свое перевел.
Вот вбегает Давид — мелинит, динамит! —
И за шиворот Липкина — цоп!
"Слушай, Сема, мой паж, брось излишний трепаж
И скажи: неужели мне гроб?"
"Уй, пусть будет для вас беспросветный Манас,
Если вам я, Давидчик, совру.
Граф Пирал не зевал, он таки напирал.
Не давите, а то я умру.
Эта Дина — не льдина, не так холодна.
Я прошу: не давите, Давид!
Что вам нужно? Идите, там есть Колчина,
Что на вас, как на пряник, глядит.
Ах, пусть будет для вас утешеньем Манас,
Заклучайте скорей договор.
Граф Пирал напирал, он совсем не спрягал,
И конечно — дурак он? — упер!"
И поплелся Давид, не спрягая, без слов,
И висел за могучей спиной
Не готов, не готов, не готов, не готов, не готов
Перевод двадцатипудовой.
Опустел старый замок, загдох Альманах
(Ну и черт с ним, — я в скобках скажу),
Но зато мы встречаем в семейных домах
Молодую его госпожу!

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

